

ПОУЧЕНІЕ,

произнесенное 27 іюля 1902 г. въ новооткрытомъ Михаило-
Архангельскомъ скиту.

(О необходимости и значеніи христіанскаго уединенія).

Сегодня послѣдній день пребыванія въ этой новой обители двухъ чудотворныхъ и многоцѣлебныхъ иконъ Пречистой Дѣвы Богоматери—этой надежды и предстательницы всѣхъ христіанъ, готовой, по своей великой любви къ людямъ, всѣмъ являть свои щедроты, всѣмъ оказывать благодѣянія.

Уповая на Пречистую Дѣву, какъ на скорую и вѣрную помощницу, всѣ христіане обращаются къ ней съ молитвами, испрашиваютъ

у Ней въ болѣзняхъ исцѣленія, въ скорбяхъ и печаляхъ—утѣшенія, въ подвигахъ и борьбѣ съ своими страстями—подкрѣпленія и ободренія. И Царица небесная, дѣйствительно, являетъ милость свою, взирая на вѣру и усердіе молящихся Ей. Поэтому-то, вѣруя въ Ея божественную чудодѣйственную силу, благочестивый христіанинъ, вставъ отъ сна своего, молитвенно проситъ Ее: *Превышшая ангелъ, мірскаго мя превышша слитія сотвори*, т. е. „превозмогшая своею святостію даже ангеловъ, поставъ меня выше мірской, народной толпы, сдѣлай меня выше прочихъ людей“.

Превышшая ангелъ, мірскаго мя превышша слитія сотвори! Да не подумаетъ кто-либо изъ васъ, что эта молитва исходитъ изъ устъ человѣка гордаго и самообольщенного, изъ устъ надменнаго фарисея, презирающаго грѣшниковъ и мытарей. Нѣтъ! Это дерзновенная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смиренная молитва истиннаго христіанина, желающаго посвятить себя на всецѣлое служеніе Богу и ближнимъ. Вѣдь, кто можетъ достойно служить Богу и ближнимъ? Только тотъ, кто сталъ выше народной толпы, кто вышелъ изъ міра и избралъ уединеніе. Только выйдя изъ міра, оставивъ шумъ общественной жизни, можно достойно служить Богу и людямъ. Такъ именно и поступали всѣ великіе христіанскіе подвижники, отцы и учителя Церкви. Да иной путь къ спасенію души и самоотверженному служенію ближнимъ и невозможенъ.

Въ чемъ состоитъ служеніе Богу и что нужно для этого служенія?

Душа, жаждущая общенія съ Богомъ, хотящая служить Ему, прежде всего обращается къ *молитвѣ*. Въ молитвѣ умъ христіанина возносится къ Богу, стремится въ безпредѣльную высь, сердце проникается умиленіемъ и благовѣйнымъ чувствомъ, очи готовы источать цѣлые потоки слезъ—или радостно-благодарственныхъ, или покаянно-умиленныхъ. Душа въ это время переживаетъ возвышенное состояніе, чуждается и сторонится отъ всего земного, мірскаго и грѣховнаго. Можетъ-ли такая молитва возноситься къ Богу въ шумной толпѣ людей, преданныхъ житейскимъ заботамъ? Нѣтъ! Не на улицахъ, не на базарахъ и площадяхъ, не въ канцеляріяхъ и общественныхъ собраніяхъ ея мѣсто. Она требуетъ уединенія и затворничества. *Вниди въ клятвѣ твою и затворися*,—вотъ заповѣдь Христа о молитвѣ. И христіанинъ, кто бы онъ ни былъ, приступая къ молитвѣ, дѣйстви-

тельно, ищетъ уединенія, затворяется въ своей келліи, или моленной, или даже въ кабинетѣ. И тамъ, никѣмъ и ничѣмъ не развлекаемый, въ сторонѣ отъ чужихъ глазъ, смиренно повергается ницъ предъ невидимымъ престоломъ Вседержителя.

Стремясь къ Богу, вознося къ Нему молитвы свои, благочестивый христіанинъ чувствуетъ и сознаетъ свое недостойнство предъ Нимъ, видитъ грѣхи и пороки свои, перебираетъ событія жизни своей. Тогда открывается совѣсть у человѣка, является *покаяніе*, а за нимъ сокрушеніе сердца— „печаль яже по Бозѣ“ и плачь о содѣянныхъ грѣхахъ. На улицахъ-ли мѣсто покаянію? на базарахъ-ли мѣсто слезамъ умиленія? Нѣтъ! Эти святаыя чувства, ведущія человѣка къ спасенію, переживаются имъ въ уединеніи и затворничествѣ. *Вниди въ клятву твою и затворися* и тамъ, наединѣ, оставаясь предъ лицомъ лишь единого Бога, сокрушайся и плачь о грѣхахъ своихъ, въ полной надеждѣ на Божественное всепрощеніе.

Заботясь объ угожденіи Богу и спасеніи своемъ, христіанинъ питаетъ душу свою *словомъ Божиимъ* и назидательными твореніями святыхъ отцовъ и учителей церкви. Услаждая душу свою спасительными книгами, христіанинъ почерпаетъ изъ нихъ истины вѣры, просвѣщающія его умъ, узнаетъ правила святой жизни, руководствующія его ко спасенію. Гдѣ съ большимъ удобствомъ и пользою для души своей можетъ читать эти спасительныя книги христіанинъ: въ толпѣ ли народной, погрязшей въ мірской суетѣ, въ кругу-ли людей, занятыхъ житейскими дѣлами, въ веселой-ли компаніи праздныхъ людей,—или, наоборотъ въ уединеніи, въ своей затворенной комнатѣ или келліи? Отвѣтъ ясенъ. *Вниди въ клятву твою и затворися* и тамъ въ невозмутимой тиши и вдали отъ шумныхъ мірскихъ рѣчей и суетныхъ дѣлъ погружайся въ глубины Свящ. Писанія и назидательныхъ книгъ.

Когда привыкнешь къ чтенію спасительныхъ книгъ, въ твоемъ умѣ неизбѣжно явятся вопросы, на которые ты долженъ будешь дать самому себѣ отвѣтъ. Возникнутъ у тебя вопросы и мысли о промыслѣ Божіемъ, о Божественномъ милосердіи и правосудіи, о назначеніи человѣка, о грѣхахъ людей и нашемъ спасеніи. Начнется *богомысліе*. Гдѣ станешь рѣшать ты эти вопросы, гдѣ займешься глубокимъ богомысліемъ, гдѣ будешь размышлять ты о Богѣ, о тваряхъ видимыхъ

и міръ невидимомъ? Среди-ли людей, помышляющихъ только о кускѣ насущнаго хлѣба или богатствѣ, среди-ли суетныхъ тружениковъ мірскихъ, въ толпѣ-ли бездѣльниковъ, ищущихъ только нечистыхъ плотскихъ удовольствій? Нѣтъ! эта тонкая и трудная духовная работа, это богомысліе требуетъ уединенія и затворничества. *Вниди въ клятву твою и затворися* и тамъ, никѣмъ не развлекаемый, ничѣмъ не волнующий, спокойно совершай свое трудное духовное дѣло.

Итакъ, служеніе Богу, т. е. молитва, покаяніе, чтеніе Священныхъ книгъ и богомысліе,—все то, чего нѣтъ у народной толпы, чего она лишена, все это совершается не на народѣ, не въ толпѣ, а въ уединеніи, въ затворничествѣ, въ удаленіи отъ міра. Только выйдя изъ міра, только оставивъ, хотя бы на время, шумъ мірской суеты, можно спокойно и искренно совершать служеніе Богу.

Спросимъ теперь: въ чемъ состоитъ христіанское спасительное служеніе ближнимъ?

Оно выражается прежде всего въ различныхъ дѣлахъ милосердія и помощи. Дѣла разнообразны и многочисленны, но настроеніе при нихъ должно быть одно. Это—*любовь* къ людямъ, любовь горячая, сердечная, нѣжная. Гдѣ взять, какъ воспитать въ сердцѣ своемъ эту глубокую и, какъ говорили святые отцы, снѣдающую любовь? Какъ пріобрѣсти эту святую любовь, готовую заключить въ свои объятія и нищихъ и богатыхъ, и радостныхъ и печальныхъ, и невиннаго младенца и закоренѣлаго преступника? Гдѣ взять эту высокую, самоотверженную любовь, готовую всѣхъ привѣтствовать, всѣмъ помогать и ласковымъ словомъ и добрымъ, искреннимъ дѣломъ? Вращаясь вѣчно въ толпѣ, предаваясь мірской суетѣ, эту любовь не найти, не воспитать ее въ сердцѣ своемъ. Она есть плодъ слезнаго покаянія и горячихъ молитвъ, плодъ глубокаго богомыслія. Она есть даръ Божій, подаваемый благочестивымъ христіанамъ явно за ихъ тайные, сокровенные труды въ своемъ уединеніи. *Вниди въ клятву твою и затворися*, оставь мірскую суету и будешь выше міра, и зажжетъ Господь въ сердцѣ твоёмъ искру этой снѣдающей любви.

Помогать, служить ближнему можно и дѣломъ и словомъ. Легче помогать ему дѣломъ, чѣмъ служить ему искреннимъ, задушевымъ словомъ. Не тяжело подать нищему кусокъ хлѣба или дать бѣднымъ денегъ, но трудно сказать имъ ласковое, нѣжное слово, трудно утѣ-

шить сердечнымъ, искреннимъ словомъ печальныхъ и скорбящихъ, трудно ободрить живымъ, огненнымъ словомъ отчаянныхъ и вразумить безчинныхъ. Здѣсь нужно и горячую любовь имѣть къ людямъ, но нужно еще и *знать душу человеческую* со всѣми тонкими изгибами ея состояній. А гдѣ пріобрѣтается это знаніе души человѣческой? Вращаясь непрерывно въ обществѣ, находясь постоянно среди людей, нельзя пріобрѣсти этого знанія. Посмотрите на людей, все время проводящихъ въ канцеляріяхъ, общественныхъ собраніяхъ или въ трактирахъ; много знакомыхъ имѣютъ они, много лицъ видали, но всего менѣе знаютъ они душу человѣческую. Глубокое знаніе души человѣческой пріобрѣтается только путемъ наблюденія за самимъ собою, путемъ испытанія своихъ мыслей, чувствъ и желаній. *Никтоже вѣсть, яже въ человекѣ, точію духъ человеческій* (1 Кор. II, 11) и этотъ духъ можетъ узнать то, что „въ человекѣ“, только тогда, когда человекъ углубится въ самого себя, будетъ слѣдить за каждымъ шагомъ своимъ. А для всего этого нужно уединеніе, затворничество. *Вниди въ клятвѣ твою и затворися*, чтобы никто тебѣ не мѣшалъ, чтобы не было для тебя никакихъ препятствій, никакихъ развлеченій.

Въ служеніи людямъ словомъ есть особый родъ служенія, который можетъ быть по справедливости названъ „священнодѣйствіемъ слова“. Это священнодѣйствіе слова мы видимъ въ великихъ богословскихъ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви, въ возвышенныхъ назидательныхъ ихъ поученіяхъ и бесѣдахъ, въ трогательныхъ и умилительныхъ, а нарѣдко торжественныхъ и радостныхъ церковныхъ канонахъ и стихирахъ. Правда, все это писано для народа, все это создано для назиданія и просвѣщенія людей, но не на народѣ, не въ толпѣ творились эти произведенія. Не при шумѣ общественной жизни раждались великія мысли святыхъ и великихъ мужей. Нѣтъ! Мѣстомъ рожденія этихъ мыслей были уединенныя келліи и кабинеты. Тамъ, въ тиши отъ мірскаго шума, въ дали отъ земной суеты творились глубокія богословскія произведенія христіанскихъ учителей и священныя, вдохновенныя гимны церковныхъ сладкопѣвцевъ. Тамъ источникъ христіанскаго просвѣщенія и назиданія, а не на улицахъ и площадяхъ, не въ общественныхъ собраніяхъ и шумныхъ сборищахъ празднои толпы.

Итакъ,—и благоугожденіе Богу, и служеніе ближнимъ требуетъ уединенія, оставленія шумной общественной жизни. И если ты захочешь посвятить себя на это великое служеніе, то, сознавъ свое безсиліе и недостойнство, ты неизбежно отъ всего сердца въ молитвенномъ порывѣ воскликнешь къ Богоматери: *Превышшая ангелъ, мірскаго мя превышша слитія сотвори!*

Сознавая необходимость уединенія, всѣ наши святые искали его то въ пустыняхъ, то въ монастыряхъ, то въ своихъ моленныхъ, то, наконецъ, въ кабинетахъ. Искали уединенія и стремились къ нему не монахи только, но и міряне. Всѣ ощущали нужду въ болѣе или менѣе продолжительномъ оставленіи міра и его шумныхъ и суетныхъ дѣлъ. Ближе къ цѣли стояли, конечно, тѣ, которые избирали и болѣе вѣрныя средства, т. е. тѣ подвижники, которые совершенно удалялись отъ міра, избирая себѣ или пустыню или уединенный скитъ. Приблизившись тамъ къ Богу и стяжавъ духовные дары, они становились руководителями, наставниками и отцами ближнихъ своихъ. Какъ къ солнцу вѣтви и листья растеній, къ нимъ тянулись вереницами и монахи и міряне, томимые духовной жаждой, искавшіе назиданія и утѣшенія. И далекая бесплодная пустыня нерѣдко обращалась въ обширную, многолюдную обитель.

Возлюбленные братія! Помолимся Богу и Пречистой Владычицѣ, да будетъ сей первый въ нашей епархіи скитъ воспитателемъ великихъ подвижниковъ, которые были бы для насъ истинными отцами въ духѣ почившихъ великихъ старцевъ—Серафима саровскаго и Амвросія оптинскаго. Въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, нуждаются въ нихъ христіане. Въ наши дни со всею справедливостію можно во всеуслышаніе возгласить слова великаго апостола: *хотя у васъ тысячи наставниковъ во Христа, но не много отцовъ* (1 Кор. IV, 15), такихъ отцовъ, которые любили бы своихъ пасомыхъ и всѣхъ вообще ближнихъ, любили-бы глубокой, святою любовію, страдали и мучились-бы за нихъ, жалѣли бы ихъ, плакали объ ихъ недостаткахъ и паденіяхъ и радовались-бы объ ихъ добродѣтеляхъ и подвигахъ.

Да будетъ же этотъ юный скитъ, по нашимъ молитвамъ, создателемъ и воспитателемъ такихъ любящихъ, самоотверженныхъ отцовъ!—Аминь.

Свящ. А. Юрьевскій.